

УДК 94(38):316.6

РЕЦЕПЦИЯ МИФА ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ В СОВРЕМЕННОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Е.А. Чиглинец

Аннотация

В статье предпринята попытка представить, как используется образ Александра Македонского в научно-просветительской литературе и художественном творчестве в XX – начале XXI вв. Наиболее распространенные современные интерпретации этого образа связаны с традиционной репрезентацией Александра как проводника имперской идеи, которая на рубеже XX – XXI вв. трансформируется в общественном сознании в идею глобализации. Оценка деятельности македонского правителя в значительной мере зависит от этических, эстетических, политических, дидактических или иных потребностей и пристрастий авторов.

Практически любое обращение к образу Александра Македонского сегодня начинается с констатации, что образ этот со времен эллинизма по сути является легендарным¹. Античные источники таковы, что по ним можно вполне определенно составить представление об Александре как полководце и политическом деятеле, но практически нет возможности достоверно говорить о личной жизни и личных качествах этого человека². Вот почему, скажем, С.А. Жебелев вслед за Плутархом (Plut. Alex. I) четко разделил возможность написания *истории* Александра и *биографии* его³. В истории необходимо оперировать достоверным материалом, а в биографии не обойтись без характеристики личности. Но в любом случае, лишь критическое осмысление материала позволяет «вскрыть... зерно исторической истины» и сделать образ Александра «и более рельефным, и более жизненным. И за фигурой великого завоевателя и выдающегося государственного деятеля мы узрим человека, со всею и силой, и слабостью человеческой природы»⁴. Многовековая литературная (художественная) традиция доказывает это очень предметно. Оценивая эту традицию, мы можем констатировать, что созданный в античности миф об Александре за прошедшие от его времени века превратился в мифологему, что означает исторически устойчи-

¹ См., например: Will W. Alexander der Grosse. – Stuttgart, 1986; Bosworth A.B. From Arrian to Alexander. – Oxford, 1988; Meister K. Das Bild Alexanders des Grossen in der Historiographie seiner Zeit // Festschrift Robert Werner zu seinem 65. Geburtstag. – Konstanz, 1989. – S. 63–79; Фор П. Александр Македонский. – М., 2001. – С. 8–21.

² Подробный анализ корпуса источников см.: Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). – М., 1993. – С. 20–55.

³ См.: Жебелев С.А. Александр Великий // Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада. – М., 2000. – С. 28–29.

⁴ Там же. – С. 29.

вый и постоянно воспроизводящийся образ, в котором пересекаются вечность и современность¹. Тысячелетнее существование мифа об Александре в мировом общественном сознании доказывает правоту Поля Вена, который отмечает: «Сущность мифа не в том, что его знают все, а в том, что его считают общеизвестным и признают достойным быть таковым...»². Достойным быть мифом Александра признала и поздняя античность³, и средневековье, предавшее ему на Западе знаковые черты средневекового рыцаря⁴, а на Востоке – неоспоримо признавшее его, в духе восточного менталитета, божеством⁵.

Французский исследователь Поль Гуковски обратился именно к зарождению мифа об Александре в античности, считая, что все, что касается изучения бытования этого мифа в средневековье, стало целым направлением исследования, а вот как он складывался во времена Александра и сразу же после него – это мало кем изучалось⁶. Не ставя перед собой задачу разобраться во всех хитросплетениях формирования мифа (это материал для совершенно другой работы, которая уже проделана в историографии не только самим Гуковски, но и последующими историками), отмечу важнейший в методологическом отношении вывод: если в конце правления Александра македоняне с ним конфликтовали, то его смерть и апофеоз приводят к перемене мнения, и Александр становится синонимом военной победы⁷, что, собственно, и составляет суть многовекового мифа об Александре. К основным характеристикам образа Александра в мифологической традиции относятся его особая удачливость, благородство и доброта по отношению к завоеванным народам и плененным противникам (особенно к семье Дария), первый опыт безболезненного слияния культур Востока и Запада и т. д.

Более всего в мировой общественной мысли, литературе и искусстве известны интерпретации образа Александра как непобедимого полководца и замечательного правителя (монарха). И развенчание мифа также идет именно по этим сущностным ипостасям героя. Если антимонархическая направленность характерна, скорее, для эпохи Просвещения⁸ как ответ на идеализацию, которая су-

¹ См.: *Бачинин В.А.* Искусство и мифология. – М., 1987. – С. 10–11.

² *Вен П.* Греки и мифология: вера или неверие? Опыт о конституирующем воображении. – М., 2003. – С. 61.

³ См.: *Грaбapь-Пассек М.* Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. – М., 1966. – С. 172–182.

⁴ См.: там же. – С. 213–228; *Химин М.Н. и др.* «Роман об Александре» Псевдо-Каллисфена в западноевропейской литературной традиции // *Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки.* – СПб., 2007. – С. 458–481.

⁵ См.: *Бойназаров Ф.А.* Проблемы традиции и современности: Образ и личность Александра Македонского. – М., 1990. Ср. с работами второй половины XIX в. И.Г. Оршанского о талмудической традиции или А.Я. Гаркави по поводу очередной восточной версии романа об Александре. См.: *Александр Великий в легендах и исследованиях Востока и Запада.* – С. 213–280.

⁶ См.: *Goukowsky P.* Essai sur les origines du mithe d'Alexandre (336–270 av. J.-C.). – Т. 1. Les origines politiques. – Nancy, 1978. – P. 3–6.

⁷ *Ibid.* – P. 145.

⁸ В этом отношении показателен памфлет американского революционного демократа Томаса Пейна (1731–1809) «Новые известия об Александре Великом». По сюжету автор решил проведать Александра в царстве теней и обнаружил, что тот обратился сперва в коренную лошадь в упряжке, потом – в клопа, который с жалким видом павшего тирана просил о пощаде. Автор пощадил его, посадил на ветку, где того тут же склевала синица, «с той же бесцеремонностью, с которой он предавал мечу целые царства». См.: *Пейн Т.* Новые известия об Александре Великом // *Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей».* – Т. 5. – М., 1968. – С. 439–440.

ществовала в обществах с абсолютистским режимом¹, то антимилитаристская направленность встречается в период между двумя мировыми войнами в веке XX, опять же в ответ на апологетическое восхищение гением Александра, характерное для поэтов первых двух десятилетий XX в.² Наиболее ярко этот антимилитаризм проявился в отношении Александра у Б. Брехта. Уже в стихотворениях начала 20-х гг. XX в. («Я ничего не имею против Александра» и «Гордиев узел») звучат иронические и даже саркастические нотки в отношении полководца, прилагающего слишком много усилий для завоевания мира, ставшего «рабом / Своей славы» и «грубияном-разрушителем»³. В 1935 г. в стихотворении «Вопросы читающего рабочего» перечисляется целый круг великих полководцев древности и средних веков с одной лишь целью – подчеркнуть, что победы добывались множеством простых людей, а слава доставалась отдельным личностям. Здесь упоминается и «юный Александр»⁴. В радиопьесе 1940–1941 гг. «Допрос Лукулла»⁵ описывается гротескная ситуация посмертного суда присяжных над римским полководцем Луцием Лицинием Лукуллом (ок. 117–56 гг. до н. э.), во время которого выясняется, что военные заслуги даже самых выдающихся полководцев в царстве теней никого не интересуют. Лукулл пытается позвать в качестве эксперта Александра Македонского, покорителя Азии, поправшего «шар земной пятою своею», но суд заявляет: «В полях Елисейских Александра Македонского нет», а «имена великих не вызывают здесь страха», и «слава их для нас словно дым»⁶.

Каждая попытка тиражирования или развенчания мифа об Александре, рассчитанная на рецепцию его образа в XX или XXI вв., представляет собой вариант интерпретации этого многовекового мифа, когда Александр, как и любой другой персонаж античности, становится игрушкой в руках различных политических, художественных, научных и околонучных сил, обращающихся к массовой аудитории.

Так, есть сочинения, преследующие сугубо прагматические цели просветительского, воспитательного или откровенно идеологического характера. В 1914 г. публикуется исторический очерк казанского штабс-капитана, действительного члена Императорского русского военно-исторического общества и

¹ В весьма интересной книге, снабженной предисловием П. Видаль-Наке, приводится настоящая хрестоматия, содержащая литературные сочинения и переписку середины XVII – начала XVIII вв. по поводу интерпретации образа Александра Македонского в рамках идеологии французского абсолютизма. См.: *Grell Ch., Michel Ch. L'ecole des princes ou Alexandre disgracie. Essai sur la mythologie monarchique de la France absolutiste.* – P., 1988.

² Ярчайший пример – Валерий Брюсов, для которого во всемирной истории есть один персонаж сродни божеству – Александр Великий. В стихотворении «Александр Великий» (1899 г.) представлен вариант биографии, вариант судьбы, к которой стремится поэт или его лирический герой. См.: *Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. – Т. I. – М., 1973. – С. 150.* Однако даже для Брюсова историческая судьба Александра не столь однозначно величественна. В 1900 г. В. Брюсов начинает писать стихотворение «Смерть Александра», к которому он еще раз вернулся в 1911 г. Восхищение полководцем соседствует в этом стихотворении с сетованием на бренность бытия даже такого человека: «В прошлом – яркость, в прошлом – слава, впереди – туман и мгла» (там же. – Т. II. – С. 73).

³ См.: *Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы.* – М., 1972. – С. 40–41. Немецкий исследователь Петер Виртцман считает, что в основе стихотворения «Гордиев узел» лежит знакомство Брехта с традицией, изложенной Аррианом (II, 3). См.: *Witzmann P. Antike Tradition im Werk Bertolt Brechts.* – Berlin, 1964. – S. 125.

⁴ См.: *Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы.* – С. 184.

⁵ *Брехт Б. Допрос Лукулла // Брехт Б. Театр.* – Т. 3. – М., 1964. – С. 89–126.

⁶ Там же. – С. 103–104. См. также: *Witzmann P. Op. cit.* – S. 47.

«Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» Н.В. Колесникова «Александр Великий». Специальный интерес автора демонстрируют многочисленные схемы сражений и описание подробностей подготовки к операциям. В то же время очерк предназначен для широкой публики. Назидательность ему придают соответствующие эпитафии к каждой главе, а в качестве одного из методологических принципов выдвигается идея, что героическая военная «история должна и писаться героическим языком»¹. Идеализированный образ Александра как объединителя Запада и Востока, высокая оценка его культурной и этнической политики² позволяют автору вывести уроки для своего времени. В очерке начинает прочитываться его антиколониальный пафос: мы «с нашими пулеметами, автомобилями, аэропланами... до сих пор стоим непонятыми, заставляя вымирать дикие народы Африки, Америки и Австралии», а «Александр уже тогда выполнил эту задачу». Именно при нем Восток и Запад «обнялись как братья», а уж потом именно Запад внес в этот союз раздор и вражду³.

Весьма упрощенный пересказ жизни Александра, легенд о нем содержит бесплатное приложение к журналу «Проталинка», изданное в серии «В неведомые края» под названием «Походы Александра Македонского» в 1917 г. Д. Усовым. Как отголосок русского александрийства начала XX в. звучит здесь восторженный рассказ об основании Александрии Египетской и ее значении для развития культуры⁴.

На массового читателя рассчитывает советский писатель В. Ян, создавший образ Александра в рамках двух важнейших для своего времени идеологем – об извечности классово-борьбы и борьбы народов за национальное освобождение. Используя при написании повести «Огни на курганах» (1931 г.) знаменитый труд И.Г. Дройзена «История эллинизма», который буквально был испещрен его заметками, автор в трактовке событий отнюдь за немецким историком не следует. «Для Дройзена единственный главный положительный герой эпохи – Александр», для Яна таким героем становится Спитамен. «Правильно оценивая сопротивление греко-македонскому завоеванию как народное движение и подчеркивая решающую роль в нем народных низов, В. Ян превращает знатного согда Спитамена вопреки единодушным свидетельствам древних авторов в нищего погонщика караванов...»⁵. Получается, что В. Ян, в угоду некоторой идеологической установке, предлагает под видом исторического персонажа полностью вымышленного героя, мотивация поступков которого не может быть признана исторически достоверной.

Образ же Александра у Яна вполне достоверен: это жестокий завоеватель, обуруемый жадной покорения всего мира. Ян прекрасно знает легендарную традицию, идущую от апологетов Александра, и частично воспроизводит ее в повести⁶, и особенно в эпилоге, написанном в 1941 г., где в речи Каллисфена

¹ См.: Колесников Н.В. Александр Великий. Исторический очерк. – Казань, 1914. – С. 4.

² См.: там же. – С. 59, 73, 94.

³ См.: там же. – С. 95.

⁴ См.: Усов Д. Походы Александра Великого. – М., 1917. – С. 23.

⁵ Немировский А.И. Античный цикл В. Яна // Ян В. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М., 1989. – С. 550.

⁶ См.: Ян В. Огни на курганах // Там же. – С. 154–155, 160, 166, 331.

говорится «о прогрессивном значении его блистательных побед» – объединении Запада и Востока, открытии неизведанных путей, познании Западом нового мира «идей великих культур Азии», влиянии походов на судьбы мира в будущем, а также о величайших способностях Александра как государственного деятеля и полководца, его личном мужестве и щедрости на благодеяния¹. Но автор все-таки делает бóльший упор на отрицательных оценках завоевателя, вкладывая их в уста простых людей из покоренных народов и, что особенно впечатляет, в уста соотечественников и соратников македонского царя². А апофеозом этого критического восприятия образа завоевателя становится идея расцвета Азии, наставшего через тысячи лет, благодаря усилиям «свободных, возрожденных народов»³.

Идеологически заострена и предвоенная публикация «Воениздата», подготовленная И. Резниковым. Автор допускает и прямые ошибки, например считая Македонию в античности частью Греции⁴, и вульгаризацию сложнейшей научной проблемы, каковой является оценка традиции об Александре, когда считает легенду о македонском царе всего лишь «тонко замаскированной политической пропагандой»⁵. Основной целью Александра, его заветной мечтой автор считает создание всемирной монархии, где все народы будут созидать единую мировую культуру⁶. Но деятельность Александра для советского военного пропагандиста становится лишь поводом для оценки современного ему геополитического порядка. Отметив значение эллинистической культуры, создание которой начато было завоеваниями Александра, автор замечает: «Страны, оставшиеся вне влияния эллинистической культуры, как, например, Япония, сравнительно мало внесли в сокровищницу мировой культуры», а Рим, восприняв и переработав эту культуру, «передал ее свежим, полным сил, незатронутым социальной проказой античного рабства *германским и славянским племенам*» (выделено нами. – Е. Ч.)⁷.

В угоду характерной для современного массового сознания серийности восприятия тех или иных явлений, например психологии полководцев, Александр включается в такой ряд фигур, и не только из античности. Джон Киган, обозначая свой подход к образам полководцев разных времен и народов (от Александра Македонского до Гитлера) как бихевиористский, т. е. подход с точки зрения исполняемых ими ролей, единственным достойным претендентом на роль «героического лидера» считает именно Александра⁸. Для специалиста по психологии управления В.П. Шейнова Александр – первый «среди великих полководцев всех времен и народов», «военный гений № 1»⁹. Автор приводит свой рейтинг великих полководцев, выведенный по 20-и параметрам, в котором Александр Македонский занимает именно первое место, оставляя позади

¹ См.: Ян В. Указ. соч. – С. 412.

² См.: там же. – С. 159, 299, 412–413.

³ См.: там же. – С. 418.

⁴ См.: Резников И. Александр Македонский. – М., 1940. – С. 10.

⁵ См.: там же. – С. 31.

⁶ См.: там же. – С. 136, 143.

⁷ Там же. – С. 139.

⁸ Keegan J. The Mask of Command. – L., 1987. – P. 1.

⁹ Шейнов В.П. Психология знаменитых личностей: Великие полководцы. – М., 1998. – С. 31, 312.

А.В. Суворова, Наполеона Бонапарта, Ганнибала, Юлия Цезаря и др.¹ При этом в очередной раз личные качества Александра сдобрены изрядной долей мифологических сведений. Так, например, Шейнов пишет «Александр Македонский посвятил свою жизнь осуществлению своей мечты – объединить все народы в едином государстве. Причем не колониальной империи, а при равенстве завоевателей и покоренных народов»². Это утверждение содержит, по меньшей мере, две модернизаторские идеи: о наличии мечты об объединении всех народов и об изначально заложенном равенстве всех народов. Эти идеи глобализации и антиколониальной направленности в действиях Александра вызваны современным восприятием деятельности Македонского.

К поискам психологов примыкает и образ Александра, созданный Морином Дрюоном в романе «Александр Великий, или Книга о Боге»³. Французский писатель подчеркивает, что «отнюдь не без причин память о нем чудесным образом сохраняется в мире вот уже двадцать три века»⁴. Повествование в романе ведется от имени Аристандра, придворного прорицателя царей Македонии, который раскрыл Александру его происхождение от Аммона⁵. Во введении автор декларирует свою приверженность З. Фрейдю⁶. В данном контексте Дрюона интересуют судьбы так называемых побочных детей. «Изо всех великих божественных побочных детей древности образ Александра Македонского наиболее доступен нашему пониманию»⁷. В результате М. Дрюон создает в романе, по существу, очередную биографию Александра, но с элементами мистики и психоанализа, однако при этом он знает и состояние историографии проблемы⁸.

Есть целый пласт детской литературы, в которой сотни страниц посвящены доказательству одной мысли: Александр Македонский – величайший полководец в истории. Интересно, что уже в советское время появляются два романа для детей, направленных на доказательство этой мысли, – «Сын Зевса» и «В глуби веков» Л.Ф. Воронковой. Здесь четко высказывается авторское представление о жизни Александра: «Жизнь, полная противоречий, но с одной железной устремленностью – узнать весь мир, завоевать его и стать единым властителем»⁹. При оценке романов нельзя не прислушаться к мнению проф. А.С. Шофмана, одного из признанных специалистов по истории эллинизма, писавшего, что книги Л.Ф. Воронковой имеют не только художественную и познавательную ценность, но и «известную историческую достоверность», так

¹ См.: Шейнов В.П. Указ. соч. – С. 313.

² Там же. – С. 314.

³ Роман М. Дрюона заслуживает специального внимания, поскольку отличается своей концептуальностью. Другие романы последних десятилетий либо представляют из себя простое беллетризованное изложение подлинной биографии Александра (см., напр.: Маршалл Э. Победитель / Пер. с англ. – М., 1996 (впервые издан в Нью-Йорке в 1963 г.); Панин Н.Ф. Александр Македонский. – М., 2000; Грин П. Царь четырех сторон света. – М., 2002 (до этого, в 1970 и 1991 гг., П. Грин издавал серьезную историческую биографию Александра: Green P. Alexander the Great. – New York; Washington, 1970; Green P. Alexander of Macedon, 356–323 B.C. – Berkeley, 1991)) либо рисуют абсолютно вымышленный сюжет, никакого отношения к исторической реальности не имеющий (см.: Тарр Дж. Господин двух царств. – М., 1995).

⁴ Дрюон М. Александр Великий, или Книга о Боге. – М., [1993]. – С. 10.

⁵ См.: там же. – С. 138.

⁶ Там же. – С. 4.

⁷ Там же. – С. 10.

⁸ См.: там же. – С. 338, прим. 1.

⁹ Воронкова Л.Ф. Сын Зевса. – М., 1971. – С. 2.

как автор «стоит ближе других писателей к непосредственным источникам»¹. Это, однако, не означает отсутствия занимательности и назидательности, свойственных детской литературе. Кульминационным событием биографического повествования, естественно, является эпизод в Египте, связанный с провозглашением Александра сыном Аммона-Зевса: здесь и тайна, и мистика, и демонстрация неординарной личности героя², а дидактическая направленность этого сочинения звучит в его последних строках: «Если бы не умер сейчас Александр, он бы увидел крушение своих замыслов при жизни, потому что народы, подчинившись насилию, никогда не смиряются со своим порабощением»³.

В те же годы в советской литературе появляется «роман в балладах» Льва Ошанина «Вода бессмертья», в котором проявляется склонность к объективизму в интерпретации образа Александра: «Я малости малой не скрою, / И я ни о чем не прошу. / Я просто сегодня бывшее / На утренний свет выношу»⁴. Задав почти риторическим вопросом: «Он кто? Полубог справедливый и добрый? / Счастливец, из тех, кто не гибнет в огне? / Жестокий философ? Великий географ? / Иль просто убийца на черном коне?»⁵, автор воспроизводит миф об Александре во всей его полноте и представляет положительную мотивацию практически для всех действий своего героя: «Удача за ним, как девчонка, / Бежала в крови и золе»; «Племен много речье связал он / И дарит им царственный мир...»; «...никто из ведущих о битвах рассказ / Не видал, чтобы он колебался хоть раз»; «Как связать Восток и Запад? / Он придумал, он связал...»; «Он и Запад надменный и древний Восток / В незакатной державе сольет!»⁶. Оправдания ему нет только «за все, что сгубил он и сжег»⁷. Но поэт и не осуждает Александра, воспроизводя известный из античной мифологии архетип этической амбивалентности героя, и отнюдь не балансом положительного и отрицательного в деяниях определяется его историческое бессмертие.

Фантастическое решение той же проблемы бессмертия Александра Македонского предлагает английский историк и философ Арнольд Тойнби в приложении к книге «Some Problems in Greek History» (Oxford, 1969). Говоря по существу, он ставит мысленный эксперимент для выяснения исторической роли Александра, а исходной посылкой становится предположение, что Македонский не умер в 323 г. до н. э., а прожил еще 36 лет, продолжая править⁸. По этому ретро-прогнозу А. Тойнби, Александр подчинил бы себе все территории Средиземноморья, Азии и Африки, известные на тот момент. Для Тойнби Александр – мировое воплощение имперского начала, и в последние десятилетия

¹ См.: Шофман А.С. Александр Македонский и его время // Воронкова Л.Ф. В глуби веков. – М., 1973. – С. 368.

² См.: там же. – С. 127–133.

³ См.: там же. – С. 367. В 90-х гг. XX в. на русский язык было переведено и несколько детских книг, которые предлагают хорошо иллюстрированные биографии Александра. Книги эти содержат предельно объективное изложение материала, без каких-либо идеологических или дидактических установок, а все повествование подчинено доказательству все той же идеи: Александр – величайший полководец. См.: Лэнгли Э. Александр Македонский. – М., 1998; Александр Македонский / Текст А. Блейз. – М., 2000.

⁴ Ошанин Л.И. Вода бессмертья // Ошанин Л.И. Вода бессмертья: Книга новых стихов. – М., 1976. – С. 120.

⁵ Там же. – С. 61.

⁶ Там же. – С. 62, 69, 93, 97, 118.

⁷ Там же. – С. 120. Ср.: С. 86–87, 89, 92.

⁸ См.: Тойнби А. Если бы Александр не умер тогда... // Знание – сила. – 1979. – № 2. – С. 39–42.

XX – начале XXI вв. именно такое восприятие Александра господствует в массовом сознании, независимо от того, в контексте какого из явлений современности происходит рецепция этого образа – «глобализации» или «возрождения имперской идеи» в России.

Именно в контексте процесса глобализации предлагается образ Александра массовой аудитории в фильме выдающегося американского режиссера Оливера Стоуна.

По данным журнала «Premier», в кино Александру не очень везло: за весь первый век этого самого массового из искусств к образу Македонского обращались лишь пять раз, в том числе и в немом датском фильме 1917 г. и в китайском мультипликационном, где действие перенесено в далекое будущее¹. О трех других фильмах упоминает в известной биографии Александра французский историк Поль Фор². И если американские фильмы (Роберта Россена с Ричардом Бёртоном в заглавной роли (1955 г.) и Фредерика Марча (1973 г.)) особого следа в истории мирового кинематографа второй половины XX в. не оставили, то фильм выдающегося греческого режиссера и автора сценария Тео Ангелопулоса «Александр Великий» (1980 г.) отличился-таки оригинальностью трактовки образа главного героя. Конечно, связь с реальным Александром Македонским в сюжете весьма условна. Скорее, имя его становится символом абсолютной власти, харизматического лидерства и насилия по отношению к окружающим³. Но весьма нетрадиционный символизм образа Александра здесь виден хорошо, тот же Поль Фор сравнивает его со Святым Георгием-Победоносцем, а фильм – с «Иваном Грозным» С. Эйзенштейна⁴.

После 1980 г. еще более 20 лет Александр не становился героем игрового кинематографа. Хотя, судя по интервью известного австралийского кинорежиссера, к тому времени уже обосновавшегося в Голливуде, База Лурмана, мысль снять картину об Александре Македонском посещала не только его. «Мартин Скорсезе, Мел Гибсон, Джордж Лукас и Стивен Спилберг в разное время подумывали о том же самом»⁵. Однако вскоре после этого интервью стало известно, что выход фильма Б. Лурмана отложен до 2006 г.⁶, а затем и вовсе – «на неопределенный срок»⁷.

В этих условиях и появляется фильм О. Стоуна «Александр» (2004 г.). И, говоря о фильме, мы можем лишь воспроизвести и проанализировать именно режиссерскую концепцию образа Александра Македонского.

¹ См.: Premier. – 2004. – № 11. – С. 54.

² Faure P. Alexandre. – Paris, 1985. – P. 546 (note 116). То же в русском переводе: Фор П. Александр Македонский. – М., 2001. – С. 438 (прим. 116)

³ Вкратце сюжет таков: в Афинах 1900 г. группа английских дипломатов встречает новый век и после двенадцати ударов часов решает отправиться на улицу, чтобы действительно увидеть зарю нового века. Но тут появляется бандит Александр и захватывает их. Его цель – заставить правительство Греции вернуть землю крестьянам и помиловать его и его людей. Будучи фигурой харизматической, Александр и его войско движутся по стране, крестя детей и творя суд. Очевидно, что такие ассоциации в исторической памяти грека Ангелопулоса вызывает деятельность Александра по установлению македонского господства в Элладе. См.: Маринович Л.П. Указ. соч. – С. 5, 56, 59, 66 и др.

⁴ См.: Faure P. Op. cit. – P. 546 (note 116).

⁵ Комсомольская правда. – 2003. – 13 окт. – С. 20.

⁶ См.: Гладильщиков Ю. Александр рекордный // Огонек. – 2004. – № 47. – С. 39.

⁷ См.: Premier. – 2004. – № 11. – С. 54.

Прежде всего, что же это – историческая биография или героический миф? Исторической биографией этот фильм не стал именно потому, что последовательного жизнеописания от рождения до смерти персонажа в ленте нет. Основную часть времени автор отводит под описание восточного похода, а детство героя дается лишь в качестве своеобразного пролога. Так, может быть, мы действительно имеем дело с воспроизводством архетипа героического мифа, тем более что именно он обычно и превалирует в жизнеописаниях Александра? Да и сам О. Стоун в своих предшествующих фильмах обращался к образам исторических персонажей, правда, никогда еще у него не было героя, столь удаленного в века от нашего времени. И это тоже даст о себе знать в авторской концепции личности и судьбы Александра. Но есть ли в фильме все признаки интересующего нас архетипа? Пожалуй, нет. Во всяком случае, обязательной для героического мифа инициации героя, которой для Александра, на мой взгляд, стало абсолютно исторически реальное участие в битве при Херонее, в ходе которой «армия признала юного Александра своим настоящим командующим, достойным наследовать царю»¹, в картине нет. Нет и принципиально важных и для биографии, и для героического мифа перипетий первых дипломатических опытов и факта приобретения афинского гражданства. Эти лакуны приводят к тому, что в жизнеописании иррациональное объяснение превращения Александра в великого полководца и объединителя народов и культур вытесняет рациональное, а в героическом мифе исчезает именно первый опыт благодетельного героя и признания его исключительности в широком общественном мнении, точнее в мифологизированном сознании его современников.

В таком случае, что же представляет собой фильм О. Стоуна? Это некоторая цепь «сцен из жизни» великой исторической личности, выбор которых полностью определяется автором. Как подчеркнул в одном из своих интервью исполнитель заглавной роли Колин Фаррелл, «в фильме остались только те эпизоды, которые нужны были Оливеру, чтобы рассказать историю, как ему хотелось»². Что же для Стоуна стало доминантами в образе?

В соответствии с массовыми представлениями Александр прежде всего полководец, шире – лидер, масштаб и нестандартность личности которого Стоун не может постичь в полной мере. Поэтому, собственно, и не вся биография оказалась в фильме. При этом своеобразии личности подчеркивается еще и некоторыми примерами поведения (истерики, слезы и т. д.) и личной жизни Александра. Это прекрасно демонстрирует психоаналитическую составляющую современной массовой культуры и явно вписывается в концепцию изживания зрительских комплексов за счет так называемого «безответственного созерцания», а искусство соответственно выступает как некое средство очистки от асоциальных нечистот³. Фрейдистские мотивы (Эдипов комплекс, страх перед женщинами и т. п.) весьма показательны в фильме и делают его ближе публике XXI в., чем простой пересказ биографии. Человеку XXI века понятны аллюзии,

¹ Фор П. Указ. соч. – С. 34.

² Premier. – 2004. – № 11. – С. 52.

³ См.: Бородай Ю. Психоанализ и «массовое искусство» // «Массовая культура» – иллюзии и действительность. – М., 1975. – С. 145, 148.

которые вызывает образ Александра и в качестве создателя первой евроазиатской империи, и в качестве первого глобалиста в истории человечества.

Таким образом, итогом просмотра у зрителя должно стать представление об абсолютно решающем значении личности Александра Македонского для судеб современной цивилизации, что, наверное, выглядит слишком смело с точки зрения специалиста-историка, но для художника, обращающегося к исторической личности, – вполне допустимо.

Практически те же задачи преследует и выставка «Александр Великий. Путь на Восток», работавшая с 14 февраля по 1 мая 2007 г. По мнению М.Б. Пиотровского, Александр стал «символом конфликта культур», приведшего к появлению эллинистической культуры как синтеза, который «заложил основы дальнейшего развития мира...», и далее: «...нам полезно вспомнить, что глобализация не всегда бывает уродливой»¹.

Концепция выставки, рассчитанной, безусловно, на массовое восприятие (автор – А.А. Трофимова), прочитывается достаточно ясно: все предшествующее развитие средиземноморского мира было направлено на появление Александра², а все последующее – стало продолжением его деяний³.

В концепцию выставки вписывается и имперская идея. Ее репрезентации служит комплекс материалов, посвященных рецепции образа Александра в европейской и российской культуре нового времени. Симптоматично то, что экспозиция начинается с картины Ричарда Бромптона «Портрет великих князей Александра и Константина» (1781 г.), созданной по заказу императрицы Екатерины II. Это пример «пропагандистской» живописи в интересах возрождения православной империи в рамках так называемого «греческого проекта»⁴. Предельная опосредованность и исключительно символическое присутствие образа великого полководца и правителя в этом произведении позволяет создателям выставки ретранслировать в начало XXI века именно имперскую идею, проводя ее как исторический урок от державы Македонского через Византию и Российскую империю в наши дни, когда «мир, объединенный некогда Александром, стремительно разъединяется»⁵.

Таким образом, миф об Александре, созданный в античности, воспринятый средними веками и Новым временем, продолжает жить и в новейших социо-

¹ Пиотровский М.Б. «Самый главный Александр» // Александр Великий. Путь на Восток. – С. 5.

² См.: Дандамаева М.М. Александр и Восток: предистория контактов // Там же. – С. 14–18; Алексеев А.Ю. Александр и северные кочевники // Там же. – С. 29–33; Трофимова А.А. и др. Классическая Эллада: Греция до Александра // Там же. – С. 64–102; Алексинский Д.П. и др. Между Элладой и варварами // Там же. – С. 103–131; Дандамаева М.М. и др. Ахеменидский Иран // Там же. – С. 274–285

³ Большаков А.О. Птолемеяевский Египет: македонская династия на троне фараонов // Там же. – С. 207–273; Дандамаева М.М. и др. Селевкидская Сирия // Там же. – С. 286–291; Семенов Г.Л. и др. Эллинизированный Восток // Там же. – С. 296–324; Дешпанде О.П. Индийский поход: его последствия для Запада и Индии // Там же. – С. 325–341; Елихина Ю.И. 1) Ноин-Ула. Памятники из Северной Монголии // Там же. – С. 342–344; 2) Хотанская керамика // Там же. – С. 345–348; Залеская В.Н. и др. Византия – третий мир античности // Там же. – С. 349–381.

⁴ Один из изображенных на картине внуков Екатерины II, Александр Павлович, представлен с мечом и гордиевым узлом, атрибутами, ассоциировавшимися у каждого образованного человека того времени с Александром Македонским, создателем огромной империи. Екатерина мечтала именно Александра, названного так в том числе и в честь Македонского, посадить на российский престол, и эта «программа» вполне прочитывалась современниками не только в России, но и в Европе. См.: Ренне Е.П. и др. Александр Великий в западноевропейском и русском искусстве Нового времени // Там же. – С. 388.

⁵ Пиотровский М.Б. Указ. соч. – С. 5.

культурных условиях. Образ Александра Македонского приходит к нам в самых различных интерпретациях, в зависимости от этических, эстетических, политических, дидактических или иных потребностей и пристрастий авторов.

Summary

Ye.A. Chiglintsev. Reception of the Myth on Alexander the Great in Modern Mass-Conscience.

The article contains an attempt to represent the ways of using of Alexander the Great's image in 20th – early 21th centuries in scholarly-educational literature and artistic work. The most widespread interpretations of this image are connected with the traditional representation of Alexander as a conductor of the imperial idea, which was transformed on the eve of 20th – early 21th centuries into an idea of globalization. The evaluation of Macedonian king's activity to a considerable extent depends on ethical, esthetical, political, didactical and others needs and biases of the authors.

Поступила в редакцию
07.10.07

Чиглинец Евгений Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.